

Посвящается Джейн и Рейну

Содержание

1. Месье, какой ужас, экзистенциализм!	9
2. Назад, к самим вещам!	50
3. Колдун из Мескирха	69
4. Они и зов	97
5. Хрустеть цветущим миндалем	126
6. Я не хочу есть свои рукописи	154
7. Оккупация и освобождение	172
8. Разруха	219
9. Исследования жизни	258
10. Танцующий философ	283
11. Croisés comme ça	300
12. Взгляд изгоев	337
13. Однажды попробовав феноменологию	371
14. Непостижимое цветение	393
Действующие лица	406
Благодарности	414

1

Месье, какой ужас, экзистенциализм!

*Глава, в которой трое пьют абрикосовые
коктейли, еще больше людей допоздна говорят
о свободе и еще больше – меняют свою жизнь.*

*Здесь нам также интересно, что такое
экзистенциализм*

Порой говорят, что экзистенциализм — это скорее настроение, чем философия, и что его можно проследить до страдальцев-романтиков XIX века и далее до пораженного тишиной бесконечных пространств Блеза Паскаля, затем до поисков души Святым Августином и в конце концов — до мрачного ветхозаветного Экклезиаста и Иова — человека, принужденного к покорности за то, что поставил под сомнение игру, которую Бог вел с ним. Короче говоря, это про всех, кто когда-либо чувствовал разочарование, протест или отчужденность по какому-либо поводу.

Но можно пойти другим путем и свести рождение современного экзистенциализма к моменту на рубеже 1932–1933 годов, когда трое молодых философов сидели в баре *Вес-de-Gaz* на улице Монпарнас в Париже, перебирая сплетни и попивая фирменный напиток заведения — абрикосовый коктейль.

Симона де Бовуар, которой тогда было двадцать пять лет, любила внимательным взглядом наблюдать за миром: позже она рассказала обо всем в мельчайших под-

робностях. Она посещала это кафе со своим парнем, Жан-Полем Сартром, сутулым двадцатисемилетним молодым человеком с опущенными кончиками губ, помятым лицом, выдающимися ушами и косоглазием — из-за тяжелой экзотропии его едва видящий правый глаз несколько выдавался наружу. Разговор с ним мог сбить с толку неподготовленного человека, но если заставить себя не обращать внимания на эти особенности, то неизменно обнаруживалось, что он смотрит на вас с умом и добротой — взглядом человека, которому интересно все, что вы можете ему рассказать.

Сартру и Бовуар действительно было интересно, ведь за одним столом с ними сидел еще один собеседник, которому было о чем поведать. Старый школьный друг Сартра, обходительный Раймон Арон, выпускник Высшей нормальной школы¹. Как и его спутники, Арон был в Париже на зимних каникулах. Но, в то время как Сартр и Бовуар преподавали во французских провинциях — Сартр в Гавре, а Бовуар — в Руане, — Арон учился в Берлине. Здесь же он рассказывал своим друзьям о популярном в Германии философском направлении с изящным названием «феноменология» — слово столь же длинное, сколь и элегантно: что во французском, что в английском оно само по себе может составить строку ямбического триметра.

Арон рассказывал примерно следующее: если традиционные философы часто начинали с абстрактных аксиом или теорий, то немецкие феноменологи обращались к самой жизни, к каждому ее отдельному моменту. Они отбросили большую часть того, что поддерживало философию со времен Платона: загадки о том, реальны ли вещи или как мы можем знать

¹ Фр. *École normale supérieure* — одно из самых престижных высших учебных и научно-исследовательских заведений Франции. — *Прим. науч. ред.*

о них что-то наверняка. Феноменологи указывали, что любой философ, задающий эти вопросы, уже брошен в мир вещей — или, по крайней мере, наполненный видимостями вещей, или «феноменами» (от греческого слова, означающего «то, что появляется»). Так почему бы не сосредоточиться на встрече с феноменами, игнорируя все остальное? Старые загадки не обязательно исключать навсегда, но их можно вынести за скобки и предоставить философам заниматься более насущными вопросами.

Ведущий мыслитель феноменологов Эдмунд Гуссерль дал боевой клич: «Назад к самим вещам!» Это означало: не тратьте время на связанные с вещами трактовки и особенно не тратьте время на размышления о том, реальны ли эти вещи. Просто посмотрите на то, что предстает перед вами, чем бы это ни было, и опишите это как можно точнее. Другой феноменолог, Мартин Хайдеггер, добавил еще один штрих. По его словам, философы на протяжении всей истории тратили время на второстепенные вопросы, забывая задать самый важный — вопрос о бытии. Что значит для вещи «быть»? Что значит сказать, что ты сам «есть»? Не задавшись этим вопросом, утверждал Хайдеггер, вы никогда ничего не добьетесь. И снова он рекомендовал феноменологический метод: отбросьте умственный мусор, обратите внимание на сами вещи и позвольте им раскрыться перед вами.

«Видишь ли, *mon petit camarade*, — сказал Арон Сартру — “мой юный друг”, так он называл его со школьных времен, — если ты феноменолог, ты можешь всмотреться в этот стакан с коктейлем и выжать философию из него!»

Бовуар отметила, что Сартр, услышав это, побледнел. Она слегка преувеличивала, говоря, что ни она, ни ее товарищи никогда прежде о феноменологии не слышали. На самом деле они пытались читать Хайдеггера.

Перевод его лекции «Что такое метафизика?» появился в том же номере журнала *Vifur*, что и раннее эссе Сартра в 1931 году. Но, писала она, «поскольку мы не смогли понять из этой лекции ни слова, мы начисто потеряли интерес». Теперь стало понятно, к чему все это: Хайдеггер предложил способ заниматься философией, который воссоединял ее с обычным, живым опытом.

Молодые философы были вполне готовы отбросить старые установки. В школе и университете Сартр, де Бовуар и Арон, как и полагалось, выучились французской философии, основными вопросами которой были проблемы познания и бесконечное переосмысление работ Иммануила Канта. Эпистемологические вопросы вытекали один из другого, словно в калейдоскопе, неизменно возвращаясь к одной и той же точке: я думаю, что знаю что-то, но как я могу знать, что я знаю то, что я знаю? Они были более чем готовы к этому новому началу. Это было столь же трудоемко, сколь и бесполезно, и все трое — несмотря на отличные результаты на экзаменах — оставались неудовлетворены, особенно Сартр. После окончания университета он намекал, что вынашивает некую новую «разрушительную философию», но не уточнял, на что она будет похожа, поскольку и сам не имел об этом ни малейшего представления. Он вряд ли развил бы свои идеи в нечто большее, чем простое бунтарство. И тут оказалось, что кто-то другой уже заложил основы нового мировоззрения. В общем, если Сартр и покраснел при известии Арона о феноменологии, то не столько от досады, сколько от волнения.

Так или иначе, Сартр хорошо запомнил тот день и в интервью, которое случилось более сорока лет спустя, сказал: «Могу сказать, что это выбило меня из колеи». Наконец-то настоящая философия. По словам де Бовуар, он ворвался в ближайший книжный магазин и выкрикнул что-то вроде «Немедленно дайте мне все,

что у вас есть по феноменологии!» В результате они получили тоненький том, написанный учеником Гуссерля Эммануэлем Левинасом, *La théorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl*, или «Теория интуиции в феноменологии Гуссерля». Книжки в то время все еще продавались с неразрезанными листами. Сартр разорвал листы книги Левинаса, не дожидаясь, пока под рукой окажется перочинный нож, и начал читать прямо на улице. Он был похож на Китса, увидевшего сделанный Чепменом перевод Гомера:

Я счастлив. Так ликует звездочет,
Когда, взглядевшись в звездные глубины,
Он вдруг светило новое найдет.

Так счастлив Кортес был, чей взор орлиный
Однажды различил над гладью вод
Безмолвных Андов снежные вершины¹.

Орлиным взором Сартр не обладал, молчать у него получалось плохо, но он, безусловно, был полон догадок. Арон, видя его энтузиазм, предложил ему ближайшей осенью поехать в Берлин, чтобы учиться там во Французском институте, как когда-то он сам. Там Сартр мог бы изучать немецкий, читать феноменологов в оригинале и находиться в гуще их философской энергии.

1933 год был не самым удачным временем для переезда в Германию: нацисты уже захватили власть в этой стране. Однако для Сартра это был подходящий момент, чтобы поменять свою жизнь. Ему надоело преподавать, надоело то, чему он учился сам. Его тяготило, что он до сих пор не стал гениальным автором, как мечтал с детства. Сартр понимал: чтобы написать заслуживающий внимания роман или эссе — а именно их он и хо-

¹ *Джон Китс*, «После первого чтения чапменовского Гомера», пер. В. Мишукевича. — *Прим. пер.*

тел писать, — нужны приключения. Поэтому он грезил о работе с портовыми грузчиками в Константинополе, о молитвах с монахами на горе Афон, скитаниях с индийскими париями и борьбе с бурями в компании рыбаков у берегов Ньюфаундленда. А для начала можно было просто прекратить учить школьников в Гавре.

Прошло лето, он все подготовил и поехал учиться в Берлин. Вернувшись в конце года, он привез оттуда новую смесь: методы немецкой феноменологии в связке с идеями датского философа Серена Кьеркегора и других, с характерной французской приправой его собственного литературного чутья. Он соединил жизнь и феноменологию гораздо теснее, чем это когда-либо думали сделать ее изобретатели, и тем самым стал отцом-основателем философской школы, которая получила международное признание, не утратив при этом парижского шарма, — экзистенциализма.

Гениальность открытия Сартра в том, что он и правда сделал феноменологию философией абрикосовых коктейлей — и подающих их официантов. А также философией ожидания, усталости, опасения, возбуждения, горного похода, страсти к желанному любовнику и отвращения к нежеланному, парижских садов, холодного осеннего побережья Гавра, ощущения от мягкой обивки, того, как вздымается женская грудь, когда она ложится на спину, остроты боксерского матча, фильма, джазовой песни, переглядывания двух незнакомцев под фонарем. Он сделал философией головокружение, вуайеризм¹, стыд, садизм, революцию, музыку и секс. Очень много секса.

Пока другие философы писали тщательные формулировки и рассуждения, Сартр занимался художественной литературой — неудивительно, ведь он был

¹ Сексуальное отклонение; страсть подглядывать за людьми, которые занимаются интимными процессами. — *Прим. ред.*

писателем. В своих романах, рассказах и пьесах и философских трактатах он писал о физических ощущениях от мира, о структуре и цвете человеческой жизни. Однако прежде всего он писал об одной ключевой теме — что значит быть свободным.

Свобода для Сартра лежала в основе всего человеческого опыта, и это отличало человека от всех остальных видов объектов. Другие вещи просто стоят на месте, ожидая, когда их подтолкнут или потащат. Даже животные в основном следуют характерным для их вида инстинктам и поведению, считал Сартр. Но у меня, как у человека, нет predetermined природы. Я создаю свою природу посредством свободы выбора. Конечно, на меня влияет моя биология, аспекты моей культуры и личного прошлого, но все это в сумме — не чертеж для создания меня. Я постоянно нахожусь на шаг впереди самого себя, создавая себя на ходу.

Сартр сформулировал этот принцип тремя словами, определившими весь экзистенциализм: «Существование предшествует сущности». Это формула настолько же краткая, насколько непонятная. Но в общих чертах она означает, что, очутившись в этом мире, я создаю собственное определение (или природу, или сущность), чего никогда не происходит с другими объектами или формами жизни. Вы можете, конечно, навесить на меня ярлык и считать, что определили меня, но вы ошибаетесь, потому что я постоянно творю сам себя. Я непрерывно создаю себя через действие, и это столь важно для моего человеческого состояния, что по Сартру это и есть состояние человека с момента осознания себя и до самой смерти. Я — это моя собственная свобода: ни больше, ни меньше.

Это была пьянящая идея, и когда Сартр довел ее до совершенства — то есть в последние годы Второй мировой войны, — она сделала его звездой. Его чествовали, его почитали как гуру, у него брали интервью, его